

К. Вилкуна

**ЭКСПЕДИЦИЯ САКАРИ ПЯЛЬСИ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ (1917—1919 гг.)**

Финский ученый Сакари Пяльси (1882—1965 гг.) начинал свою исследовательскую деятельность как археолог. В качестве помощника Г.-Ю. Рамстедта он был направлен Финно-угорским обществом в 1909—1910 гг. в Северную Монголию с целью поисков наскальных рисунков древних уйгуров и других археологических памятников. Результатом этой поездки была замечательная книга «О поездке в Монголию»¹, свидетельствующая о том, что автор был наблюдательным путешественником и одаренным писателем.

В это время Пяльси занимал место экстраординарного младшего научного сотрудника в отделе Археологической комиссии. Он быстро овладел техническими навыками археолога и уже в 1915 г. защитил докторскую диссертацию об известной стоянке каменного века в Каукола. Большая часть материалов диссертации была получена в результате его собственных раскопок, которые он начинал под руководством известного археолога Юлиуса Айлио. Этими одаренными археологами были выработаны тогда некоторые новые и перспективные методы археологических работ. В том же 28 номере «Ежегодника Финского общества по изучению древностей», в котором была опубликована диссертация Пяльси, увидело свет еще одно его выдающееся исследование — «Находка каменного века в торфянике»². В нем описана найденная в Корпилахти (область Антреа) древнейшая сеть с осиновыми поплавами. Эта работа принесла Пяльси широкую известность среди археологов. С этого времени он обращается к изучению культуры неолита в целом, а традиционное в те времена изучение типологии каменных орудий отходит у него на второй план. Он поставил целью восстановить весь образ жизни человека каменного века в приполярных областях. Этот новый подход виден уже в его диссертации. В следующем, 1916 г. был опубликован еще один его интереснейший и новаторский труд — «Картины культуры каменного века»³. Весьма вероятно, что по этому пути Пяльси направили натуралист, этнограф, археолог Ю. Айлио и его спутник по экспедиции Г.-Ю. Рамстедт, отличавшийся философским складом ума. Музейная работа и отдельные археологические находки недолго удовлетворяли Пяльси: он стремился к людям, живущим в каменном веке, или, во всяком случае, туда, где неолит был еще недавним прошлым, а климат — арктическим, т. е. таким же, как и в Финляндии в эпоху отступления материкового льда. Он надеялся найти такую куль-

¹ S. Pääsi. Mongolian matkalta. Otava, 1911.

² S. Pääsi. Ein steinzeitlicher Moorfund. — «Suomen Muinasmuistoyhdistys Aikakauskirja», 28. Helsinki. 1915.

³ S. Pääsi. Kulttuurikuvia kivikaudelta. Otava, 1916.

туру и природные условия у чукчей на берегах Ледовитого океана и Берингова пролива.

В сентябре 1916 г. С. Пяльси передал правлению Финского общества по изучению древностей (ФОИД), членом которого он был, план своей поездки в Сибирь. «Цель экспедиции,— писал он,— изучение живой формы первобытной материальной культуры, а также сбор орудий труда и других предметов, относящихся к этой культуре, для ее последующего изучения. Экспедиция направится на берег Ледовитого океана, на Чукотский полуостров. Основанием для выбора района исследований послужило то обстоятельство, что у постоянно обитающих там чукчей еще сохраняются в обиходе крайне примитивные рабочие инструменты и технические приемы, как, например, каменные и костяные режущие орудия. Спасение их для исследования весьма важно, и к этому следует приступить незамедлительно. Исследования будут сосредоточены прежде всего на изучении рабочих приемов примитивной техники. Эти проблемы, до сих пор не исследовались, хотя именно они чрезвычайно важны для понимания генезиса всей человеческой культуры и ее первоначального этапа развития. Запланированная поездка даст полезный материал для анализа и сопоставлений его с археологическими материалами Финляндии, древнейшие формы культуры которой развивались в аналогичных природных условиях, как и у чукчей, о которых идет речь»⁴.

План был принят руководством общества, а затем были получены средства для поездки. Сакари Пяльси отправился в путь 3 марта 1917 г. хорошо снаряженный. У него было рекомендательное письмо Российской Академии наук, полученные из различных фондов и за счет пожертвований денежные средства, которых должно было хватить на год работы, а также деньги для закупки экспонатов. В оборудование входила и кинокамера.

О своем путешествии Пяльси писал следующее: «Я отправился по сибирской железной дороге во Владивосток, где проверил свое оборудование. В конце мая (1917 г.) я выехал на русском рыболовном судне на север, моей конечной целью было устье р. Анадыря. Путешествие туда длилось шесть недель: вначале судно зашло в Берингов пролив и на восточное побережье Чукотки, и лишь на обратном пути — в Мариинский пост в устье Анадыря. Из-за ехавших на судне скупщиков пушнины мы часто приставали к берегу, посетили Камчатку, Олюторку, Провидение, Яндагай, мыс Дежнева, Наукан, Уэлен и многие другие селения коренных жителей на берегах Берингова пролива и Ледовитого океана.

Я попал в Анадырь в середине лета и оттуда на американском торгово-китобойном судне вновь выехал на Чукотку с заходом в Ном на Аляске. Конец лета я провел среди береговых чукчей на Чукотском полуострове. Когда русское судно совершало второй рейс, я вернулся на нем через Ном, Анадырь, камчатские порты и Японию во Владивосток.

По первоначальному плану экспедиции я намерен был перезимовать на севере, но в связи с падением курса русского рубля мои денежные ресурсы иссякли, и мне пришлось отказаться от этой мысли. Я смог бы тогда же осенью вернуться в Финляндию, но достигнутые к тому времени результаты исследований, на мой взгляд, не оправдывали затраченных средств и труда. Поэтому я решил еще раз направиться на север. Это может показаться безумной мыслью для безденежного человека, но мое намерение было осуществлено. Уже осенью, когда я был во Владивостоке, связь с родиной стала ненадежной, а зимой 1917-1918 г. совсем прервалась. Я переехал тогда в Японию, где на весьма скудные средства прожил до апреля 1918 г. Весной мне представилась возможность поехать на Камчатку в качестве закупщика пушнины от

⁴ S. Pälsi. Pohjankävijän päiväkirjasta. Otava, 1919, s. 92—94.

частной фирмы. В этой должности я прожил на Камчатке до мая 1919 г. В то время я не располагал собственными денежными средствами, а кроме того, при выезде из Японии лишился всего багажа с одеждой, так что жизнь была крайне трудной. Однако я продолжал свои исследования во время торговых поездок. Зимой я жил в селе Ключевском — на сто верст в глубь страны от устья р. Камчатки.

В конце зимы — начале весны 1919 г. я совершил весьма длительное путешествие к ламутам, проживающим в горных частях Камчатки. Затем, вернувшись оттуда на побережье, сел на русское судно и вернулся в Японию. В Йокогаме я получил высланные из дому деньги на дорогу и через Индию, Суэц и Лондон в сентябре добрался до Хельсинки⁵.

Таким образом, путешествие заняло два с половиной года. Финское общество по изучению древностей поддерживало в это время семью Сакари Пяльси. Интересно отметить, что одним из людей, оказавших ему самому помощь на Дальнем Востоке, был капитан рыболовного судна эстонец Херман Сооне, ссудивший его деньгами. Взамен Финское общество по изучению древностей должно было направить свои публикации от имени Сооне в подарок Эстонскому народному музею (ныне Этнографический музей ЭССР).

Каковы же были вкратце результаты экспедиций? В годовом отчете Финского общества по изучению древностей от 7 мая 1920 г. А.-М. Таллгрэн писал: «Из своей поездки он (Пяльси) привез большое количество рисунков и фотографий, которые скоро будут переданы Обществу, предметы материальной культуры, принадлежащие правлению фонда Антелла (которое в основном субсидировало экспедицию), а также записи, которые в будущем будут использованы в научных публикациях»⁶. В опубликованном в этом же году отчете Таллгрэн отмечает, что по количеству вложенных в нее средств экспедиция была во много раз лучше обеспечена, чем какая-либо из ранее организованных обществ. Ее денежные средства составляли 34 тыс. 500 марок. Однако эта сумма оказалась недостаточной ввиду катастрофического падения курса валюты в России. И тем не менее путешественник благополучно вернулся обратно с фотографиями и коллекциями. Около 200 предметов было зачислено в 1921 г. в фонды Национального музея Финляндии.

Сакари Пяльси предполагал изучать лишь технику труда, но впоследствии полностью увлекся живым художественным творчеством чукчей и ламутов (эвенов). Он не довольствовался сбором предметов, украшенных рисунками, а решил получить новые рисунки, проверить, что чукча или ламут может сделать, получив новые, ранее неизвестные ему вещи — карандаш и бумагу. Результаты оказались блестящими. О своих опытах Сакари Пяльси в записях, сделанных во время поездки, рассказывает следующее: «На земле вряд ли проживает другой народ, который был бы равен с чукчами по одаренности в изобразительном искусстве. Когда я старался выяснить, сколько человек, умеющих рисовать и резать по кости, можно найти на Чукотском полуострове, я обнаружил, что их было слишком много, чтобы сосчитать за короткий срок. Почти каждый день появлялся новый художник, показывая свои произведения».

Я проверил способности мальчишек и обнаружил, что и они рисуют хорошо. Парнишки, получив карандаш и бумагу, стали смело рисовать моржей, лодки, чумы и прочие предметы. Большая уверенность мальчиков проистекала из их способностей, что хорошо подтверждалось рисунками. Почти все чукчи умеют рисовать и резать по кости, пятьдесят процентов мужчин — художники. Женщины не занимаются изобразительным искусством, они вышивают красивые узоры на куртках и сапогах.

⁵ S. Pääsi. Pohjankävijän päiväkirjasta.

⁶ «Suomen Muinasmuistoyhdistyksen Aikakauskirja», 1920, 30, s. 117.

Наверно, трудно быть самым выдающимся в такой среде. Все же Карлауригин и Рошилен выступают в качестве лучших резчиков, как говорили чукчи Чукотского полуострова, самые компетентные знатоки. И я согласен с этим мнением. Я работал некоторое время с этими художниками и видел удивительные доказательства их одаренности.

Первым мне удалось найти Карлауригина. Вначале он рисовал на отполированном моржовом клыке. Потом я дал ему бумагу и карандаш. Эта новинка вообще увлекала чукчей, и Карлауригину она также понравилась. Впервые получив бумагу, Карлауригин усмехнулся и спросил, что надо делать. Я сказал, что это полностью дело автора, я рисовать не умею, и поэтому советов давать не могу. Человек гладил бумагу, лежащую перед ним на столе, и смотрел то на нее, то вдаль. Затем он нарисовал бегущего оленя в верхнем углу листа. Я сказал, что бумагу беречь не надо, ее много. После этого Карлауригин перестал экономить место и начал рисовать более свободно. Рисунки стали крупнее, а в группах стало больше фигур. Новая техника увлекла художника, он работал лихорадочно. Человек позабыл все, он только рисовал, ничего не замечая. Предложенную мною папиросу он не зажег и позабыл на углу стола. Подали чай, и Карлауригин выпил чашку, не отводя глаз от бумаги. Люди приходили смотреть, кругом шумели, но ничего не трогало Карлауригина. Он рисовал необыкновенно быстро. Карандаш двигался уверенно».

Мы располагаем лишь одним оригинальным рисунком Карлауригина на бумаге. Это его второй рисунок, сделанный 25 августа 1917 г. Над ним он работал 50 минут.

Следует сказать, что оригиналы рисунков (более 200) были утрачены в 1960-е годы и вновь найдены лишь в 1977 г. Из них Пяльси успел опубликовать в свое время в двух книгах лишь 50, и то сильно уменьшенных.

Пяльси увлекся также изучением резьбы по моржовой кости. Среди старых деревянных и костяных предметов, приобретенных им для коллекций, встречаются вещи, украшенные резьбой, в том числе и вырезанные чукчами морж, горный баран, белый медведь, олень и женщина, а ламутами (на дереве) — медведь, сурок и горный баран.

Как старые, так и более новые изображения привлекают своей непосредственностью. Не удивительно, что они так понравились путешественнику, который обратил на них свое основное внимание.

Неизвестно, вел ли Пяльси во время путешествий настоящий научный дневник и записывал ли он фактический материал, относящийся к технике труда и материальной культуре. Характерны его собственные слова о работе среди ламутов, где, во всяком случае, мужчины немного владели русским языком: «Я смотрел на обстановку в юрте и задавал вопросы ее обитателям, удовлетворяя свое этнографическое любопытство. С ним борется моя врожденная застенчивость, перешедшее от предков уважение к неприкосновенности личности. Отчасти по этой причине, отчасти по другим я спрашиваю мало. Я заметил, что обилие вопросов утомляет одних людей и слишком привлекает внимание других. Первые отвечают небрежно, стараясь поскорее избавиться от мучителя. Вторые говорят слишком много и неправду. Они хотят быть вежливыми по отношению к гостю и быстро примечают, что ему по душе, после чего можно услышать удивительные вещи. Лучше придерживаться свой язык и открыть глаза»⁷.

Пяльси действительно «открыл глаза» и увидел немало. Он вел наблюдения с близкого, очень близкого расстояния и воспринимал то, что видел, доброжелательно, без самодовольства западного человека или «узколобости» кабинетного ученого. Поэтому его дорожные очерки, со-

⁷ S. Pääsi. Arktisia kuvia. Otava, 1920.

державшие уникальные красочные описания арктического образа жизни, проникнуты гуманными чувствами и положительными эмоциями. На это способен лишь художник и подготовленный исследователь. Пяльси был и тем и другим.

Свои впечатления Пяльси, очевидно, записывал сразу в пути в форме очерков или эссе. По стилю и настроениям они близки лучшей, истинно финской прозе. Первые очерки в форме дорожных писем были опубликованы в прессе. Затем они вместе с новыми эссе и иллюстрациями составили прекрасную книгу путевых заметок «Из дневника путешественника на Север» (271 стр.), изданную в 1919 г. Книга имела большой успех и получила высокую оценку критиков во всей тогдашней прессе. Поистине литературным событием стал сборник об экспедиции, вышедший на год позже, — «Арктические картины» (120 стр.). Этот труд также был положительно отмечен в прессе, в частности художественными критиками.

Вопросы происхождения искусства Пяльси затрагивал уже в некоторых своих исследованиях 1914—1916 гг., но шире развернул эту проблематику в труде «Картины культуры каменного века» в обширной главе «Художественные способности и достижения». В ней он высказывает свои основные положения. Тематами примитивного изобразительного искусства являются те, что возбуждают большой интерес именно у охотников и мужчин. Изображая добычу и женщину, первобытный охотник касается самых близких своих интересов. Самые первобытные и сильные стимулы оказываются достаточно действенными, чтобы породить искусство. Голод и любовь, древние и неугасимые желания открываются нам в этих примитивных произведениях изобразительного искусства. Скажем просто, что примитивные произведения изобразительного искусства возникли от желания сохранить живое воспоминание о больших наслаждениях и таким образом продолжить их⁸.

На Восточном мысе (Чукотка) у Пяльси была уникальная возможность видеть и старое и новое примитивное искусство живым и рождающимся из рук народа, который в это время как раз готовился шагнуть из каменного века в развитой железный век. Еще в 1912 г. Капендейл, у которого Пяльси квартировал на западной стороне Чукотского полуострова, встречал семью чукчей, живущих в каменном веке. То же самое рассказывает В. Г. Богораз об оленних чукчах в 1890—1901 гг. Береговые чукчи продолжали рисовать моржей, оленные — оленей, коряки и ламуты — диких оленей, т. е. именно тех животных, которые составляли базу их существования. Основой их искусства были хозяйственный интерес и эмоциональные восприятия, которые естественно рождали образы. В изобразительном искусстве этих народов не было заметно ничего общего с их верованиями. Поэтому широко распространенное мнение исследователей, согласно которому доисторические рисунки или наскальные изображения порождены магией или с ней связаны, часто необоснованны. Так, во всяком случае, обстоит дело в арктических районах, к которым принадлежала и Финляндия в каменном веке с ее наскальными рисунками и скульптурными изображениями лосей и медведей.

Сакари Пяльси видел живое примитивное искусство. Это вызвало в нем сильное желание понять и объяснить этот яркий феномен, о чем и свидетельствует его труд в целом. Публикации Пяльси по этому вопросу вышли только на финском языке. Но даже сейчас еще не слишком поздно собрать основные его материалы и лучшие из сохранившихся рисунков и образцов скульптуры для публикации на одном из европейских языков.

Итак, Пяльси оказался в плену искусства, а первоначальная цель — изучение примитивной техники — осталась в стороне. Он, правда, соби-

⁸ S. Päälsi. Kulttuurikuvia kivikaudelta, s. 128—169.

рал экспонаты, но те сведения о них, которые он внес в музейные описи, чрезвычайно скудны. Правда, сами экспонаты исключительно интересны. Некоторые редко встречаются в музейных коллекциях всего мира. Их не собирали потому, что они выглядят незначительными, связанными с повседневной жизнью предметами, но именно они характеризуют домашний быт. Другие уже давно утратили свое практическое значение и потому стали большой редкостью — например, разукрашенные красными рисунками костяные или железные панцири и шлемы.

Удивительное и исключительно ценное дополнение к материалам экспедиции Сакари Пяльси было обнаружено совсем недавно. Эта находка также отчасти восполняет то техническое описание, которого не хватало в описи музейных экспонатов. Речь идет о кинофильме, занимающем около 40 минут. На старом складе кинофильмов одной акционерной фирмы, в подвале финляндского Архива кинофильмов была найдена жестяная банка, в ней лежал ссохшийся не смонтированный негатив. Сотрудникам Архива кинофильмов удалось спасти эту ленту. При просмотре фильма стало ясно, что речь идет о далеком берегу Ледовитого океана. Установить принадлежность фильма помогли некоторые кадры, совпадавшие с опубликованными в книгах Пяльси иллюстрациями. Как уже упоминалось выше, в оборудование экспедиции входил кинематографический аппарат. О его использовании Пяльси упоминает вскользь в ходе рассказа о бубнах шамана-коряка Нутеула и шаманском танце, который должен был исполняться перед «кинокамерой». В дневнике Пяльси сообщается, что после ряда подготовительных мер «фильм накрутили». Правда, шаманского танца в сохранившейся части кинокартины нет. Совершенно невероятным представляется тот факт, что экспонированный почти 60 лет назад негатив фильма достаточно хорошо сохранился без промежуточного копирования до наших дней и что его смогли обработать.

Вскоре после того как Пяльси вернулся домой, он был назначен на должность научного сотрудника в Доисторический отдел Археологической комиссии. Эта штатная должность, однако, его не удовлетворяла. Его влекли путешествия и литературная деятельность. Уже в декабре 1921 г. он отправился в финляндскую Карелию. В результате появилась целая книга, полная непосредственных наблюдений, — «На зимних дорогах Карелии»⁹. Затем последовали «С лесных порубок и с лесосплава» (1923 г.) и «Со льда Финского залива»¹⁰. Все симпатии автора в них — вместе с финским народом, трудящимся на тяжелых лесных промыслах в суровых природных условиях.

Пути писателя уходили во все более далекие края Европы и Канады. Об исследователях Арктики Пяльси однажды сказал: «Их самая великая радость — отправляться в путь, а их любимое место — дорога». Так было и с самим Пяльси. Его литературное наследство состоит из 20 книг и большого количества статей. В их числе путевые заметки, научные исследования и чисто беллетристические произведения.

Сакари Пяльси умер в 1965 г., немного не дожив до 83 лет.

THE EXPEDITION OF SAKARI PÄLSI TO NORTH-EAST SIBERIA [1917—1919]

S. Pälsi (1882—1965) was a prominent Finnish ethnographer who devoted much time to the study of the peoples of North-East Siberia, and particularly of the Chukchas. His data retain great scientific interest, for many phenomena in the material and spiritual life of these peoples have since disappeared or been transformed (popular games, dances, art etc.).

A small film recently uncovered in a Finnish archive is of unique value.

⁹ S. Pälsi. Karjalan talviteillä. Otava, 1922.

¹⁰ S. Pälsi. Tukkimetsistä ja nittopurvoita. Otava, 1923; *его же*. Suomenlahden jääiltä. Otava, 1924.